
Конявская С. В. (Москва)

ПОИСК «НЕДОСТАЮЩЕГО ЗВЕНА» В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА: ЛОГИКА И ЭМПИРИКА

В определении состава элементов системы можно двигаться двумя путями: индуктивно, обобщая данные эмпирических наблюдений, и дедуктивно, анализируя саму систему на предмет наличия «недостающего звена».

Разумеется, результат адекватен действительности только в том случае, если показания, полученные этими двумя путями, как минимум, не противоречат друг другу.

Прибегнуть к методу анализа системы как таковой, ее архитектуры и внутренних закономерностей можно, к сожалению, не всегда, а только на этапе известной степени изученности системы, когда она уже в основном

обозрима и описана.

Сейчас состояние изученности грамматической системы русского языка, в том числе и в диахроническом аспекте, за исключением, может быть, отдельных специфических вопросов, таково, что позволяет достаточно надежно предполагать наличие того или иного «недостающего звена» и создавать теоретические построения в отношении вопросов, в которых до сих пор нет терминологической и сущностной ясности.

Один из таких вопросов — это статус категории числа или, выражаясь точнее, статус явлений, относимых традиционно к числовому противопоставлению.

Анализ слов *pluralia tantum* в современном русском языке и в историческом срезе позволил выявить тот факт, что они являются результатом не каких-то стихийных изменений и утрат, а процесса словообразования, формальным показателем которого является изменение числовой парадигмы¹. Более того, удастся выделить ограниченное количество словообразовательных моделей, по которым этот процесс происходил и происходит по сей день².

В сочетании с тем, что грамматическая категория числа для этих слов, как для современного русского языка показал А. А. Зализняк³ и что полностью подтвердилось на историческом материале, актуальна и последовательно выражается, материал дает возможность высказать предположение о том, что числовая парадигма русских существительных связана с действием не одной, а двух разных категорий: грамматической словоизменительной категории числа и словообразовательной категории.

Это касается не только слов *pluralia tantum*, есть целый ряд других случаев, когда формальные показатели числа выражают не грамматическое противопоставление «один — не один» или не только его⁴, а еще какие-либо значения, которые обобщенно можно сформулировать как «цельность

¹ Конявская С. В. Теоретические вопросы исторического словообразования на примере слов *pluralia tantum* // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 95–110; Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981. С. 25–26.

² Конявская С. В. Семантическое словообразование в системе числа существительных: синхрония и диахрония. М., 2004.

³ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 19–34, 55–61.

⁴ Зализняк А. А. Русское именное словоизменение; Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972; Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 4–5; Его же. Теория морфологических категорий. Л., 1976; Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974; Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М., 1978; Соболева П. А. Лексикализация множественного числа и словообразование // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 47–85; Ее же. Словообразовательная полисемия в русском языке. М., 1981; Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии. М., 1979; Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981; Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984; Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996. С. 103–106; Чернейко Л. О. Абстрактные и отвлечен-

(недискретность, непрерывность)» или «дискретность (прерывность, неоднородность)» — в той или иной реализации. Здесь и проявляется словообразовательная категория.

Разница очевидна: для словоизменительной категории числа форме единственного числа инвариантно значение «один», а форме множественного числа — «не один», а для словообразовательной — форме единственного числа как словарной инвариантно значение «недискретность», а форме множественного числа как словарной — «дискретность».

Логика системы определяет, что результатом действия такой словообразовательной категории должны являться существительные со значениями следующих четырех групп:

1. с *вещественным* значением, имеющие в качестве словарной форму *множественного* числа (**оу́меты** (грязь, нечистоты), совр. **духи, сливки**, др.), или просто с так называемым значением *нерасчлененного* множества (**пѣнази** (деньги), **чада** (потомки), совр. **финансы**), включая и названия действий (**потѣворы** (колдовство, отравление), совр. **пересуды, хлопоты**);

2. считаемые существительные, имеющие *омонимичные формы числа* (**скалы** (весы), **возы** (обоз), истор. и совр. **сени, мощи**);

3. в современном русском языке — существительные со значением *множественности*, имеющие в качестве словарной форму *единственного* числа — *singularia tantum*, в том числе *собираательные* (**песок, листва**);

4. *сингулятивы* (номинация со значением *единичности* от исходного слова с *вещественным* или *собираательным* значением, т. е. проявление значимости семы «дискретность» для *исходного* вещественного, а не *конечного* сингулятива: **снежинка, горошина**).

Проверка этой логики на эмпирическом материале внесла свои коррективы в том, что касается третьей и четвертой из этих предположительно выделенных групп.

Singularia tantum

Эту группу существительных с точки зрения действия словообразовательной категории «цельность — дискретность» имеет смысл рассматривать только для современного русского языка, так как для языка древнерусской письменности последовательно и доказательно проследить действие этой категории не на уровне тенденций, а на уровне узувального факта языка представляется невозможным.

Для языка древнерусской письменности вообще вряд ли целесообразно выделять эти слова в какую-то отдельную группу, ибо, как показал анализ, по сути, нет никаких особенностей, характеризующих *только их* функционирование.

Они сочетаются со счетными словами, употребляются в отношениях свободного варьирования с формами простого множественного числа обычных считаемых предметных слов (т. е. не характеризуются выраженным значением отвлеченности), феномен согласования по смыслу, с одной стороны, намекает на маркированность их значения с точки зрения семантики внутренней сложности, но с другой стороны, в сочетании с непоследовательным поведением этих слов в плане изменения по числам этот аргумент не может считаться достаточно сильным для выделения особой группы.

Сравним: **колико хотѣли быша насытитиса ѡ(т) листвѣна зелениного. помѣтакамаго ѡ(т) мокѣ поварница. ПНЧ 1296, 77 об.; и гадаху люди листъ липовъ. короу березовоу. ЛН XIII–XIV, 12 (1128); листвѣ же смокве ѡ(т) него же створиста прародитѣла преподасаньє. ГБ XIV, 58а; стихарь оубо ѡ(т) багра. по шобразоу смоковныхъ листъ. имъ же съшивъ прекры себе адамъ. КН 1280, 608 г.;⁵ и др.**

В современном же русском языке по отношению к словообразовательной категории «цельность — дискретность» слова *singularia tantum* имеет смысл разделить на две группы: со

ные существительные в их отношении к категории числа // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 467–487; *Перцов В. Н.* Инварианты в русском словоизменении. М., 2001; *Евтюхин В. Б.* Морфологические категории. М., 2002. С. 25–31.

⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991. Т. IV. С. 404.

словообразовательным значением «цельность» (собственно *singularia tantum* в классическом смысле) — **кирпич, рыба** («завезли кирпич» vs «валяются кирпичи», «свежая рыба» vs «плавают большие рыбы» и т. д.) и со словообразовательным значением «дискретность» — так называемые собирательные существительные.

Собирательные существительные

Анализ языкового материала⁶ показал, что группе собирательных существительных в современном русском языке действительно имеет смысл, очевидно, приписывать статус суффиксальных словообразовательных типов внутри категории «дискретность» — отсубстантивного и отадаъективного. Это два словообразовательных типа внутри отвлеченных *singularia tantum*, группируемые на основе элементов словообразовательного правила: производящее слово — имя существительное со значением составной части того, что называется производным словом, или имя прилагательное со значением признака, общего для предметов, совокупность которых названа производным словом (**молодой — молодежь, лист — листва**).

Для языка же древнерусской письменности вообще нет серьезных оснований выделять эти слова как с точки зрения грамматики числа, так и с точки зрения словообразовательных особенностей в отдельную группу внутри отвлеченных существительных, употребляемых преимущественно в единственном числе — это было показано чуть выше на примере слов **листь** и **листвие**.

Очевидно, все слова данной словообразовательной структуры имеет смысл считать для древнего периода единым, хоть и весьма неоднородным, классом, в котором впоследствии сформировалось значение отвлеченности и выделились его типы.

Сингулятивы

Сингулятивы⁷ же в современном русском языке также имеет смысл считать производными по отсубстантивным, отадаъективным и, реже, отглагольным словообразовательным типам, относящимся к словообразовательной категории «дискретность» (**горошина, золотинка, червоточина**).

А на этапе древнерусской письменности, судя по данным, которые можно получить путем анализа контекстов их употреблений, это модель, входящая в класс производных (преимущественно отсубстантивных) существительных со словообразовательным значением конкретности. Относить это значение к области действия категории «дискретность», думается, было бы неуместной натяжкой (**попъ и попинъ, осень и осенина, овьца и овьчина** (шкура овцы), **медъ и медовина** (напиток на основе меда)).

Аналогично ситуации с «собирательными» существительными четких формальных или семантических оснований для выделения этих слов в отдельный словообразовательный тип для периода древнерусской письменности нет.

Словообразовательные типы

Таким образом, к 7 безаффиксальным и нескольким смешанным словообразовательным типам, по которым в языке древнерусской письменности и современном русском языке образуются в рамках словообразовательной категории «цельность — дискретность» существительные *pluralia tantum*, для современного русского языка можно добавить 3 суффиксальных словообразовательных типа, по которым образуются сингулятивы, безаффиксальный словообразовательный тип (с формантом «изменение числовой парадигмы»), по которому образуются *singularia tantum* со значением внутренней множественности, и два суффиксальных словообразовательных

⁶ Конаяская С. В. Феномен собирательных существительных в истории русского языка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 45–52.

⁷ Конаяская С. В. Словообразовательные аспекты сингулятивов: диахрония // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (31). С. 26–31.

типа, по которым образуются *singularia tantum*, традиционно называемые собирательными существительными. Строго говоря, два последних словообразовательных типа имеет смысл считать также смешанными, потому что кроме суффиксации в процессе словообразования участвует и изменение числовой парадигмы (собирательные существительные употребляются преимущественно в формах единственного числа).

С точки зрения диахронии наглядно представить ситуацию можно в виде следующей таблицы:

результат словообразования	язык древнерусской письменности	совр. р. яз.	словообразовательные типы
считаемые предметные слова pl. t. (типа «сани»)	+	+	безаффиксальные, смешанные
несчитаемые вещественные pl. t. (типа «чернила»)	+	+	безаффиксальные, смешанные
<i>singularia tantum</i> со значением «цельность»	принадлежность к данной словообразовательной категории неочевидна	+	безаффиксальные
<i>singularia tantum</i> со значением «дискретность» (собирательные)	принадлежность к данной словообразовательной категории неочевидна	+	смешанные
сингулятивы	принадлежность к данной словообразовательной категории неочевидна	+	суффиксальный

Думается, что такая ситуация может объясняться двумя совершенно разными посылками.

С одной стороны, вполне логичным представляется предположение о том, что словообразовательное значение по мере развития языка специфицируется и от более размытых «конкретность» и «отвлеченность» фокусируется в более четкие и ясные «цельность» и «дискретность», по мере того как нюансы и оттенки значений начинают поддерживаться лексической сочетаемостью, синтагматикой и более жесткими грамматическими особенностями.

С другой же стороны, вполне возможно, что для точной оценки ситуации не хватает материала и методических приемов. Ведь, не проанализировав, пусть и в силу объективных причин, все возможные контексты и не отделив их четко от контекстов невозможных, некоторые выводы считать доказанными было бы просто нечестно. Именно поэтому представляется целесообразным остановиться на полученном результате: построенной путем обобщения результатов анализа эмпирического материала и системных характеристик рассматриваемых уровней языка архитектуре «недостающего звена» — словообразовательной категории «дискретность» — в ее соотношении с грамматической категорией числа и диахронической динамике.

Возможно, если такая методика будет оценена как удачная и построения такого рода появятся и в отношении других словообразовательных категорий, это даст перспективы для следующего методического шага — позволит взвесить обоснованность гипотезы о специфицировании словообразовательных значений в диахронии.